

*Посвящается
Анне Скотт Уильямс,
источнику моего вдохновения,
и Донни Кайлу Куинну,
который помог посеять это семя*

Солнце еще не успело высушить росу с травы под виргинскими дубами, а воздух уже был таким вязким и мутным, что в нем можно было плавать. Стоял мертвенный летний зной.

В припаркованной на ее улице машине, которую она еще не заметила, терпеливый охотник вытер с лица струйку пота, наблюдая за тем, как Уэстмор-драйв начинает свой сонный бег к середине недели.

Окна небольшого кирпичного дома с белыми ставнями распахнулись около семи, и она впервые появилась в виде смутного силуэта за кухонным окном — почти абстрактный образ за стеклом и противомоскитной сеткой, но тем не менее предмет его желания. Из ее окон доносился запах готовящейся еды — жареного бекона, тостов и кофе, — и убийца впервые за это безмятежное летнее утро ощутил приступ голода.

Где-то в десять на улице стало тихо. Последний сосед уехал на работу, как всегда ровно в 9:50. Запахи из кухни Лэй Кото — так зовут эту женщину — изменились: вместо ароматов обычного завтрака теперь пахло чем-то другим, капустным и вонючим.

Дверца машины открылась. За этим последовали шаги по бетонной дорожке, портфель, хорошая обувь, белоснежная улыбка, визитка.

Они всегда открывают дверь.

1

Меня зовут Кей Стрит. Имя досталось мне от моего азиатского дедушки, а мои приемные родители наградили меня фамилией. По профессии я частный детектив — вернее, судебный пристав и агент по взысканию залогов. По жизни я завязавший алкоголик, страстно верю в чизбургеры «Кристалл» и пончики «Криспи крим». А еще я бывший профайлер — поведенческий аналитик ФБР. Как я оказалась здесь, на юге, где в большинстве районов Джорджии в глазах местных жителей выгляжу как гребаная иностранка и вообще говорю как последняя деревенщина, остается загадкой, которую Эмили и Говард Стрит так мне и не раскрыли. Знаю только, что они так сильно хотели ребенка, что взяли из приюта и удочерили тощую девчонку китайского происхождения с сомнительными генами. Мои дедушка, бабушка и опекуны были убиты, а моими биологическими родителями были два наркомана и одна исполнительница экзотических танцев. Я их не помню. Вскоре после моего рождения они пустились в бег. Я в состоянии произнести лишь пару слов по-китайски, но моя приемная мать, Эмили Стрит, как никто другой из известных мне людей владеющая искусством намеков, научила меня изящному, пассивно-агрессивному языку женщин-южанок. Родители пытались обзавестись симпатичным белым мальчиком, но было в прошлом моего отца нечто такое, чем они всю мою жизнь наотрез отказывались делиться со мной, из-за чего они получили отказ. Мне потребовалось

не слишком много времени, чтобы понять: южане — чрезвычайно скрытные люди.

Я еще в детстве полюбила Юг, всегда страстно любила его и люблю до сих пор. Вы учитесь прощать его за ограниченный ум и проблемы переходного возраста, потому что у него широкое сердце. Вы прощаете ему душное лето, потому что весна пышна и радует глаз россыпью пастельных тонов, потому что ноябрь изумляет пламенем пурпурной и золотой листвы, потому что зима коротка и милосердна, потому что кукурузный хлеб, сладкий чай и жареный цыпленок — такая же важная часть воскресенья, как нарядное платье для церкви, и потому что любой южанин, достойный своего имени, всегда говорит «пожалуйста» и «спасибо». Это легкий воздух и летние лозы, сосновые леса и мясистые домашние помидоры. Это возможность сорвать с персикового дерева плод и дать сладкому соку стекать по подбородку. Это скрытая, но глубокая симпатия к нашим соседям в Алабаме, которые вынуждены терпеть основную тяжесть шуток про Баббу¹. Юг проникает к вам в кровь, обоняние и через кожу пробирается до самых костей. Я в меньшей степени часть Юга, нежели он — часть меня.

Это романтическое понятие, подкрепленное географией. Но мы все здесь слегка мечтательны. Мы — Ретт Батлер, Скарлетт О'Хара и Роза Паркс в одном лице.

У моего афроамериканского брата Джимми — родители усыновили его через два года после моего появления в их семье — был совершенно другой опыт. Не будучи белыми, мы оба не раз становились жертвами невежества и стереотипов, но даже это, похоже, сработало в мою пользу и против Джимми. Люди часто удивлялись тому, что я говорю по-английски, а мой южный акцент их просто очаровывал.

---

¹ «Старина Бабба» — олицетворение невежества и косности белого населения в маленьких городах или сельской местности южных штатов США.

Они также считали, что мое азиатское происхождение ставит меня на уровень выше среднего. От меня ждали успехов и поощряли в стремлении к ним. Но те же самые люди ночью перешли бы на другую сторону улицы, лишь бы не делить тротуар с моим братом, полагая, что, будучи черным мужчиной, он крайне опасен. Джимми перенял у нашей матери прибрежный каролинский акцент, типичный для белых южан в белом районе, еще в то время, когда разнообразие не было поводом для гордости. В результате он не вписывался ни в одно сообщество — и, учась в старших классах, подал заявления в несколько университетов Западного побережья и тщательно спланировал свой побег. Джимми мастер по части планов. Он осторожен во всем. У него идеальная кредитная история, его никогда не увольняли с работы, он не имел проблем с наркотической зависимостью и ни разу, перебрав спиртного, не летел по Пятой авеню в Нью-Йорке, высунув голову из люка в крыше лимузина и крича «Эй, вы все», как это делала я. Джимми — хорошо воспитанный ребенок. Сейчас он живет в Сиэтле, и даже обещание маминога пирога-коблера с начинкой из ежевики не способно заманить его домой в Джорджию.

Как я оказалась здесь этой ночью, крадучись вдоль старого каркасного крыльца и сжимая обеими руками свой 10-миллиметровый «Глок», это совершенно другая история, — но да, я прижималась телом к дому, и к моей спине, обтянутой черной футболкой, прилипла облупившаяся краска. Когда-то меня звали специальным агентом Стрит. Звучит красиво, правда? Я была превосходно подготовлена для такого рода работы, провела массу времени в полевых условиях и в конце концов получила направление в Национальный центр анализа насильственных преступлений (НЦАНП) в Куантико в качестве аналитика по уголовным расследованиям, специалиста-профайлера. Через несколько лет ФБР отобрало у меня пропуск и пистолет и вру-

чило мне уведомление о разводе. «У вас есть мозги и талант, доктор Стрит. Но вам не хватает сосредоточенности».

Помню, в тот момент я еще подумала, что единственное, чего мне действительно не хватало, так это стакана хорошего виски, что, разумеется, и было частью проблемы.

В тот день меня сопроводили в гараж ФБР, где под углом к линии между двумя парковочными местами стоял мой старый кабриолет «Импала» 1969 года выпуска, белый на белом, и длиной около полумили. Выпереть одного специального агента — вернуть два парковочных места. Шикарная сделка.

И вот, четыре года спустя, я прошла под занавешенным передним окном дома и беззвучно поздравила себя с этим достижением. Скрипнуло гнилое крыльцо. По оконным стеклам плясали отблески экрана включенного телевизора; звук был приглушен настолько, что я едва могла его разобрать. Подождала, застыв и прислушиваясь к любому движению внутри, затем вытянула шею и попыталась заглянуть за занавески. И увидела очертания человека. Оп-па! Да еще какие!

Подобные задания — та еще работенка. Поручители не сидят на месте. Нужно рискнуть и войти при первой же возможности. Времени на изучение места, привычек, посетителей — нет. Я была здесь одна, без всякой поддержки, вся холодея от страха. Сердце колотилось в груди как бешеное, адреналин бил как струя воды из пожарного шланга. Я даже чувствовала его вкус. Миндаль и сахарин. Я была напугана до чертиков, но мне это даже нравилось.

2

Уличные фонари были погашены, ночь завернулась в тонкие белые облака, которые отбрасывали слабый свет на заросший сорняками двор и удерживали зной, как одеяло. Атланта летом — удушающая и сырая. По причине вздернутых

нервов и влажной духоты по лицу градом катился пот — от линии роста волос на потемневшие скулы. Я была в гриме и одета для ночной работы. Присев у входной двери, порылась в своем черном холщовом рюкзаке, нащупывая Тома. Во всяком случае, я называла эту штуку «Том», как в том выражении «Любопытный Том», — 36-дюймовую оптоволоконную трубку с миниатюрным экраном на одном конце и электронным глазом на другом. На такой работе Том избавляет от многих ошибок. Покрутив, я засунула крошечную трубку под дверь и довольно неплохо разглядела переднюю комнату.

Объект наблюдения, рецидивист Антонио Джонсон, неоднократно совершал насильственные преступления. Он гулял на свободе уже два месяца после того, как снова ограбил магазин. Три недели назад я выследила его в Канаде, но потом потеряла след. Однако его бывшая жена жила в Атланте, и Джонсон уже преследовал ее в прошлом. В ее доме вновь начались телефонные звонки, и звонивший бросал трубку. Благодаря помощи друга из полицейского управления Атланты эти звонки удалось отследить. Они привели к телефону-автомату в задрипанном мотеле в Вест-Энде Атланты, где всю торговали крэком. Я нашла там людей, которые знали Джонсона. Один из них сдал его всего за тридцать долларов. Джонсон нашел себе пристанище в доме на Джонсборо-роуд, недалеко от бульвара и федеральной тюрьмы. Там даже местные жители проверяют на светофорах двери своих машин, а народ, что ездит на работу из других мест, после наступления темноты обходит этот квартал стороной.

Я видела его на трехдюймовом экране: он сидел на ровном диване, закинув ноги на край деревянного журнального столика. Похоже, один. В правой руке пиво, левая лежит на коленях и частично скрыта из поля зрения. Ты что-то там прячешь, бугай?

Во влажном воздухе, над сладковатым, тошнотворным запахом мусора и кислоты пустых пивных банок, над крыль-

цом витал дрянной запашок чего-то синтетического вроде суперклея и пенопласта.

Я сняла пистолет с предохранителя и постучала во входную дверь. Я собиралась задействовать свой лучший голос попавшей в беду женщины, готовясь сказать, что мне нужен телефон, или, что я проколола шину, да что угодно, лишь бы мне открыли дверь. Я не была уверена. Я научилась импровизировать с тех пор как стала работать одна.

Джонсон не колебался ни секунды. В свой крошечный окуляр я мельком увидела, как за секунду до того, как в двери рядом с моим ухом он проделал дыру размером с мяч для софтбола, у него на коленях что-то дернулось. Грохот выстрела был сродни пушечному. Дверь разлетелась в щепки, а я, слегка оглушенная, мигом соскочила с крыльца на более безопасную территорию.

Еще один выстрел. Передние окна как будто взорвались. Осколки разлетелись во все стороны, словно шрапнель. Я сжалась в комок рядом с крыльцом. Почувствовав на шее и руках уколы, поняла, что порезалась, но тут же приподнялась — на достаточную высоту, чтобы выстрелить в сторону переднего окна. В мои планы не входило его пристрелить. Лишь припугнуть, чтобы он слегка отступил...

Затем наступила тишина.

Пригнувшись, я поднялась по ступенькам крыльца и подобралась к двери. По-прежнему тихо. Я попыталась просунуть руку в дыру в двери, дотянуться до замка и отпереть ее. Вот тогда-то я услышала его. Дробовик. Проклятый помповый механизм. И если вы когда-нибудь слышали этот звук, то никогда его не забудете. Цевье скользит назад, одна гильза выбрасывается, другая входит в патронник, затвор защелкивается. Если у вас набита рука, это занимает доли секунды, а у Джонсона было предостаточно практики.

Я прижалась спиной к дому, вздохнула и мгновение выждала. В таких ситуациях быстрая проверка реальности ни-

когда не бывает лишней. Неужели я и вправду хотела, чтобы в ходе поимки этого парня меня грохнули? Черт, нет, только не это. Но жажда адреналина одержала верх. Выброс адреналина, какой всегда случается в такие моменты, толкнул меня вперед, а не назад, что, возможно, наиболее наглядно иллюстрирует разницу между теми из нас, кто занимается подобными вещами, и нормальным населением.

Бум! Джонсон вновь выстрелил из дробовика. Я почувствовала это ногами. Примерно так же содрогается земля во время фейерверка. Вероятно, он сам делал себе патроны. Одному Богу известно, чем он стрелял в меня. Вылетел еще один кусок дверного полотна. Затем последовал треск очереди из автоматического оружия.

На счет три, сказала я себе...

Один... Два... Два с половиной... Две и три четверти. Твою мать! Три!

Я спрятала все, что у меня было, за одним из черных армейских ботинок, которые надеваю для таких случаев, и прицелилась в место прямо над ручкой входной двери. Расколотая и распахнутая, она уже не оказывала сопротивления. Я прижалась спиной к дому и стала ждать.

Тишина.

Сжимая обеими руками рукоятку «Глока», слыша, как в груди громко колотится сердце — так, что я чувствовала, как у воротника рубашки пульсируют вены, — я вышла из-за угла и оглядела переднюю комнату, гостиную, совмещенную со столовой. За ней были видны кухня и коридор. Я прикидывала, где тут место для двух спален и ванной. Прежде чем сделать шаг, какое-то время потопталась снаружи, считая двери и окна. Так где же он? В спальне? В коридоре?

Затем — хлоп, хлоп, хлоп. Я упала на пол, вкатилась в крошечную столовую и выпустила несколько пуль — на тот случай, если у него возникнут какие-либо мысли о том, чтобы найти меня.

— Я пристав! Взыскание залога, мистер Джонсон! Бросайте оружие и выходите с руками за головой. Немедленно!

— Цыпочка? — крикнул в ответ Джонсон и рассмеялся. — Даже не подумаю!

Затем я услышала, как открылась задняя дверь и хлопнула противомоскитная сетка на ней. Я бросилась на кухню: дверь была наполовину сорвана с петель, а дальше за ней в темноте подпрыгивали белые буквы на футболке Джонсона, бежавшего через задний двор к забору. Я метнулась во двор и не без удовлетворения наблюдала за тем, как Джонсон приближается к забору и калитке. Я оставила там кое-что на такой случай, что с моей стороны было весьма предусмотрительно.

Результат не заставил себя долго ждать. Это был крошечный дворик с забором из сетки-рабицы и подковообразным рычагом на калитке. Джонсон схватился за забор, и как только попытался перемахнуть через него, бело-голубая вспышка взрыва отбросила его назад. Просто немного черного пороха, небольшое количество вазелина, батарейка и пара проводов, плюс несколько фейерверков, чтобы остудить его прыть. На расстоянии пяти футов в ушах зазвенело. Пару секунд мне пришлось пробиваться сквозь миллион крошечных лампочек-вспышек.

Джонсон лежал неподвижно, как слизняк. Держа наготове «Глок», я осторожно приблизилась к нему и проверила его на предмет признаков жизни. Дыхание нормальное. Просто вырубился. Я вытащила из-под него его большие руки. Ладони были обожжены.

— Я не думала, что все будет так драматично, — сказала я его обмякшему телу, застегивая на запястьях наручники и продевая вокруг талии и через наручники ремень. — Просто я ни хрена не смыслю во взрывчатых веществах. — И перевернула его на спину.

Затем, держа в каждой руке по ботинку тринадцатого размера, я попыталась тащить его. Черт. Этот тип весил, по